

Экспериентив: кавказский вариант

Введение: экспериентив как категория:

Экспериентив (the experiential) — это категория, семантика которой состоит в том, что у некоторого индивида имеется опыт участия в некоторой ситуации; это подразумевает, что он участвовал в этой ситуации неопределенное количество раз, по крайней мере, один раз (ср. [Comrie 1976: 58], [Dahl 1985: 141], [Bybee et al. 1994: 62]). Английское предложение (1) как раз демонстрирует данный смысл.

(1) I have been to Leipzig.

В английском языке для выражения данного значения используются *Present Perfect* (см. (1), являющееся классическим примером знаменитого *experiential perfect*). Однако существуют языки, имеющие специализированные средства для передачи экспериентивного значения. В отношении этих языков и принято говорить об экспериентиве как о самостоятельной грамматической категории. Окончательную независимость от перфекта экспериентив получил в работе [Dahl 1985: 139—144], где цитируется материал 8 языков: японский < АЛТАЙСКИЕ, индонезийский, сунданский, яванский < АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ, исекири, сото < НИГЕР-КОНГО, китайский < СИНО-ТИБЕТСКИЕ, тайский < ТАЙСКИЕ. Языки с экспериентивом, упоминающиеся в работе Даля, сосредоточены в двух основных регионах — Африка и Восточная Азия [Dahl 1985: 140].

Однако, как показало мое исследование средств выражения экспериентивного значения, другим «перспективным» регионом с точки зрения экспериентива является Кавказ. В мою выборку попали 6 языков северокавказской семьи: адыгейский, багвалинский, цахурский, арчинский, агульский (хпюкский говор), даргинский (ицаринский говор). Два из них — агульский и даргинский — обладают специализированными средствами для выражения экспериентивного значения.

Кавказский экспериентив: особенности формального устройства:

Как и экспериентивы в других языках, в агульском и даргинском экспериентив выражается не морфологически, а аналитически. Это позволяет увидеть внутреннюю структуру формы экспериентива. В этих языках она представляет собой грамматикализацию особого типа коммуникативной структуры — фокус на уже актуализированной информации. Рассмотрим подробнее пример из агульского языка¹.

(2) wun maskawdi-? xu-f-e-wa?
ты Москва:OBL-IN быть.PF-ATR-COP-Q
Ты когда-нибудь бывал в Москве?

Форма экспериентива состоит из атрибутивного причастия на *-f* и связки настоящего времени, которая следует за причастием. Чтобы понять специфику этой формы, нужно обратиться к

особенностям взаимодействия видо-временных форм и коммуникативной структуры, свойственным многим кавказским языкам.

Отличительная особенность дагестанских языков состоит в том, что в них для маркирования коммуникативной структуры предложения используются грамматические средства, а именно: связки, предикативные маркеры, формы глагола. В связи с этим те формы, которые с точки зрения языков европейского стандарта будут отнесены к финитным, представляют собой всего лишь грамматикализацию определенного типа коммуникативного членения. Если же коммуникативное членение будет изменено, то употребление этих форм станет невозможным. Рассмотрим агульское предложение (3).

- (3) čiču me k'ež lik'.i-n-e.
 брат:ERG этот письмо писать.PF-CONV-COP
 Брат написал это письмо. [Майсак, Мерданова 2002]

Употребленная форма, в составе которой можно выделить показатель деепричастия и связку 'быть', представляет собой нейтральное прошедшее время. Использование данной формы возможно в связи с тем, что глагольная группа передает новую информацию. Теперь рассмотрим предложение (4), являющееся ответом на вопрос *Кто написал это письмо?*

- (4) me k'ež lik'.i-f čiču e.
 этот письмо писать.PF-ATR брат:ERG COP
 Это (именно) БРАТ написал это письмо. [Майсак, Мерданова 2002]

В (4) связка следует за именной группой в эргативе, маркируя тем самым коммуникативную выделенность данной составляющей, а глагол принимает форму атрибутивного причастия. Предложение (4) является реализацией фокусной конструкции, основная функция которой состоит в маркировании наиболее значимого (с коммуникативной точки зрения) элемента высказывания. Замена деепричастной формы глагола на атрибутивную является обязательной.

Таким образом, позиция связки маркирует фокусную часть высказывания. Выбор между деепричастием и причастием зависит от того, передает ли глагол новую информацию (пример (3)) или уже известную (пример (4)). Рассмотрим предложение (5), где глагол, с одной стороны выходит в фокусную часть высказывания, но, с другой стороны, передает уже актуализированную информацию.

- (5) te k'i-f-tawa, gulu-f-e dečüji-?
 он умереть.PF-ATR-COP.NEG пропасть.PF-ATR-COP война:OBL-IN
 {ЛК: Твой дед на войне умер или пропал?} — Он НЕ УМЕР, он ПРОПАЛ.

В данном случае глагол оформлен атрибутивным причастием, а связка следует за ним. Легко заметить, что в (5) и в (2) глагольная форма выглядит одинаково. Но в отличие от (5), где мы имеем дело с фокусом контраста и, соответственно, с уже активизированным релевантным множеством, в (2) речь о фокусе контраста не идет, однако глагол оформлен атрибутивной формой, призванной представлять информацию как данное. Таким образом, в агульском (в даргинском ситуация аналогична) форма экспериментива является результатом грамматикализации особой коммуникативной структуры. С одной стороны, позиция фокусного показателя (связки в агульском) указывает на то, что глагол входит в состав коммуникативно значимой части высказывания. С другой стороны, сам глагол, употребленный с показателем

атрибутива, оформлен как уже известная информация, как пресуппозиция (семантическая часть высказывания, которую, с точки зрения говорящего, слушающий готов принять как данное).

Реализация данной коммуникативной структуры в предложениях с экспериментивным значением важна в связи с функционированием таких высказываний в дискурсе. Для высказываний с экспериментивным значением характерна дискурсивная несамостоятельность, выражающаяся в том, что данные высказывания всегда предполагают наличие связи с другими частями дискурса (например, *Врачу доводилось оперировать таких больных => Он вам поможет*). Таким образом, высказывания с экспериментивным значением, как правило, содержат информацию, которая важна не сама по себе, а как отправной пункт для дальнейших рассуждений. В таких случаях важно, чтобы эта информация воспринималась как данное: если с этой отправной точкой что-то не так, то это ставит под угрозу успех всей коммуникации. Поэтому говорящему важно «подавать» эту информацию как заранее истинную, так, чтобы у слушателя не было основания оценивать ее в терминах истина / ложь. В агульском и даргинском есть возможность оформить информацию как неоспоримую грамматически: атрибутивное причастие, указывающие на известность информации, и связка, следующая за глаголом².

Примечания

1. Я выражаю благодарность Солмаз Мердановой за помощь в сборе материала по хпюкскому говору агульского языка.
2. Интересно отметить, что в агульском языке в системе несовершенного вида (экспериментив образуется от основ совершенного вида) глагольные формы, состоящие из причастия и связки, обозначают генерические ситуации ([Мерданова 2004: 107—111]); высказывания такого типа (законы природы, известные истины, нормы поведения) не предназначены для оценки с точки зрения ложь / истина, они подаются как истинные «в авторитарном порядке» (в агульском языке это выражено грамматически — ситуация оформляется как пресуппозиция, а связка вводит ее в дискурс).

Литература

1. Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
2. Comrie B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
3. Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
4. Mutalov R. O., Sumbatova N. R. A Grammar of Içari Dargwa [LWM 92]. München – Newcastle: LINCOM Europa, 2003.
5. Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Глагольная система хпюкского говора агульского языка. Рукопись, 2002.
6. Мерданова С. Р. Морфология и грамматическая семантика агульского языка. М., 2004